

Слово прощания

Труд 1988, 19 авг.

О ТОВАРИЩАХ С ЛЮБОВЬЮ И ПЕЧАЛЬЮ

И полмесяца не прошло после смерти Анатолия Папанова, как из Театра сатиры — новая горькая весть: умер Андрей Миронов.

Ушли из жизни два артиста, которых мы, зрители, не просто знали — любили.

Народный артист СССР Юрий Никулин был близко знаком с ними. Сегодня в беседе с корреспондентами «Труда» В. Вострухиным и Ю. Яковлевым он делится тем, что хранит память об Анатолии Папанове и Андрее Миронове.

— Вы меня извините, если я что-то не то буду говорить... в такие минуты надо вспоминать о заслугах перед искусством, потому что заслуги велики, а у меня из горечи вырастает одно-единственное ощущение — зияющей громадной пробоины.

Толю Папанова я знал со времен молодости. Нам было легко друг друга понимать, он воевал, как и я, был тяжело ранен... А кто знал, что Папанов — инвалид войны? Когда появились деньги на машину, он еще намучился, пока купил. Я его подталкивал: Толя, ты же заслуженный воин, имеешь право. Он в ответ: ну вот, я буду этим козырять?

Его актерский взлет происходил у меня на глазах. Молодому Толе Папанову тогда несладко приходилось в театре. Валентин Плучек — режиссер Театра сатиры — пробовал его в одной, в другой роли — не тянет. И все за Толю переживали, потому что понимали — ему, видимо, придется в скором времени уйти из театра.

Как-то мы собрались на дне рождения у одной актрисы. И Плучек был. Толя начал танцевать какой-то модный тогда, очень подвижный танец, да так это у него вышло, что режиссер, наконец Папанова «увидел». Понял, что предлагал ему не те роли. И в следующем спектакле — это был «Дамоклов меч» — Анатолий Папанов поднялся во весь рост как актер. Он сыграл блестяще. С тех пор шел в гору, в гору, только в гору... А помните его генерала Серпилина в «Живых и мертвых» по Симонову? Эту роль режиссер Александр Столпер предлагал мне. Я отказался наотрез. Что вы, говорю, какой я генерал. Столпер посожалел, предлагал мне пробы, зря, говорил, вы, Юрий Владимирович, не верите в свои силы. А потом вздохнул: «Ну что ж, тогда попробую пригласить на эту роль Папанова». Я даже засмеялся: эх кидает режиссера из стороны в сторону. Не Папанова это роль! А когда вышел фильм, стало ясно, что это — его роль! Потрясающе проникновенно, убедительно создал он образ генерала, русского интеллигента. Потом я говорил Столперу: какое счастье, что вы меня тогда не взяли, я б так не сыграл.

Последний раз я видел Папанова незадолго до смерти — мы ведь с ним соседями были, жили напротив, через улицу, собак вместе выгуливали. Он очень плохо выглядел, усталый какой-то, разбитый. Но если Толя всего на год моложе меня был, то Андрей Миронов по возрасту, если так разобраться, в сыновья годился. Я все думал, что вот еще немного, года два — и Андрей получит звание народного артиста Союза, он его вполне заслужил... У Миронова ведь все впереди было, сорок шесть лет, он актер еще нераскрытый, ему по силам не только характерные, комедийные, но и трагедийные роли. Вспоминая, сколько он сделал в театре, в кино, я радуюсь за него — все же Андрей, как говорят актеры, наигрался. И вправду — первые роли в спектаклях самых разных, от Гоголя до Брехта, диапазон его дарования был необъятен. И в кинематограф он вошел серьезно, крупно. В «Бриллиантовой руке» я снимался вместе

с Андреем, с Толей. Помните, Андрей пел в фильме песенку про остров Невезения, а я — про зайцев. Мы очень ревниво следили за работой друг друга. Я говорил: «Андрей, твоя песня, конечно, пойдет на пластинки». Мне действительно нравилось, как он поет, как танцует — блестяще, ни на кого не похоже, только он так умел. А Миронов отвечал: «Нет, Юрий Владимирович, это вашу песню после фильма все будут петь». Вышла на экраны «Бриллиантовая рука», обе песни были записаны на пластинки, обе потом пелись под гитары...

Андрей был не только щедрым артистом, но и добрым человеком. Спросите артистов Театра сатиры — они вам расскажут, что к Миронову мог подойти любой из труппы, попросить помочь — и тот никогда не отказывал. Надо — даст денег взаймы, надо — пойдет к директору театра просить за человека, который ему ни сват, ни брат. За что его особенно ценили сатировцы — он был порядочным режиссером. Ведь пять спектаклей поставил в Театре сатиры и если брал артиста на роль, то всегда доводил его до премьеры. Если что-то не получалось, помогал, до пота, до крови — но не было случая, чтобы он заменил актера.

Теперь, когда завеса таинственности над нашей актерской профессией приподнялась, зрителю проще будет понять, отчего безвременно ушли от нас Анатолий Папанов и Андрей Миронов. Ведь честно работающий актер — каторжник. Каждая роль, каждое появление перед зрителем — это нервы, нервы. Еще не было такого — чтобы вышел на сцену равнодушный человек и заставил плакать зрительный зал. Ты выйди, сожги себя, выстрадай жизнь своего героя — тогда только можно рассчитывать, что зритель тебя поймет. А Андрей вообще никогда не мог работать вполсилы — нигде, ни на спектакле, ни на репетиции. Уходит за кулисы — и рубашка всегда мокрая от пота, выжимать можно... А сколько они — и Папанов, и Миронов — работали на концертах, и как... Все хотели их видеть, слышать.

Для Театра сатиры лишиться Папанова и Миронова — настоящее потрясение. Там много первоклассных актеров, но эта потеря — невосполнима. Нет Толи — и около десятка спектаклей нуждаются в замене актера, которому равноценной замены не подобрать. Вот она, пробоина... Я очень огорчился, что на похороны Толи смогли приехать только несколько артистов из Сатиры. Понимаю, театр на гастролях в Риге, законы его неумолимы: спектакли должны идти. Несмотря ни на что.

Двадцатого августа на похороны Андрея прилетят все: после смерти артистов из двенадцати спектаклей, заявленных в гастрольной афише, осталось всего четыре... Все, кто не занят двадцатого, будут на гражданской панихиде в театре, а к вечеру вернутся в Ригу. Я прощаюсь с Андреем, и думаю, что ведь он и ушел как актер: играл Фигаро и упал на сцене. А ночью умер. Врачи сказали — инсульт. Нервы, нервы...